

ные в последнем клейме иконы 1673 г., являются единственным известным нам примером отражения указанных произведений в станковой живописи вообще.

Большой интерес представляет вопрос о том, в каких кругах возникла эта икона. В ней подчеркнуто повторяются тремя эпизодами изображения воинских «чудес». И изображения, и надписи, передающие соответствующие места литературных памятников, свидетельствуют о большой начитанности автора. Они раскрывают ту литературную традицию, на которой основан эпизод явления Бориса и Глеба в «Поэтической» повести об Азове. К сожалению, имя заказчика иконы Бориса Козынина не встречается в документах конца XVII в. Не связана ли икона по своему возникновению с теми кругами казачества, где создавалась и распространилась повесть об азовском сидении? Может быть, «лавра», куда была вложена икона, — это один из тех основанных казаками монастырей (Воронежский Борщевский или Шацкий Чернеев), куда многие из них постригались в старости.⁹⁴

⁹⁴ А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 55—57.